

Владислав ЛЕЦИК

выпускник БГПИ 1967 года,
член Союза писателей России

От редакции. Банальное «талантливый человек талантлив во всём» – о нём, разрушающем любые банальности – и своей жизнью, и своим творчеством. Владислав Лецик талантлив фантастически, и простому перечислению ипостасей – прозаик, поэт, редактор, переводчик, критик – его масштаба никак не уместить! Читателям нашего альманаха эти многообразные грани были представлены с самого первого выпуска – в рассказе «Костюмы» (№ 1), в переводах стихотворений Набокова и критических комментариях к ним (№ 3). А сегодня поэт говорит с вами неожиданными созвучиями и только им найденными образами, говорит о том, что близко и дорого каждому, но вот так увидено и прочувствовано только им – Владиславом Лециком.



Стихи

«НЕ ГОВОРИ КРАСИВО, ДРУГ АРКАДИЙ!»

Желание красиво говорить
В нас неизбежно, как желанье жить
Красиво же. Не тратьте тут ударов –
Хоть, в общем-то, вы правы, мсье Базаров.

Красиво говорящий – втайне глуп:
Язык им вертит. И когда не черти,
А ангелы вращают тот язык –
Болтун в веках становится велик,
Упившись звуками заздравных труб,
Восторгами косноязычной черни.

Красиво жизнь ведущий – втайне труп:
Он сгнил, и в нём лишь копошатся черви
Актёрства, лжи, припрятанных улик.
Все почести цветут на сгнившей чести.
Повапленного гроба блеск и шик
Всегда будили зависть в бедной черни.

А чернь – мы все: я, ты, он, Цезарь, Брут...
Но слёз не лей в чаду хмельных угаров:
Жизнь – ювелир, и чернь по серебру
Она кладёт. Прекрасен белый свет –
И тут, как говорится, спору нет,
Базару нет – не правда ли, Базаров?

* * *

Гений – тот, кто вдруг, спонтанно,
Мысль свою взметнув фонтанно,
Нам откроет Путь и Суть
(Хоть порой такую муть
Наведёт, что просто жуть.
Впрочем, путь, и суть, и муть
В чём-то схожи, как ни странно).

Но должны мы подчеркнуть,
Что обычного фонтана,
Там, на площади, фонтана,
Летом бьющего фонтана
Никому, хоть кто он будь,
Столь спонтанно не взметнуть.

Тут всё выглядит иначе.
Надо, чтоб не напортачить,
Со спецами посудачить,
Сильных мира озадачить –
Раздобыть финансы где б, –
А потом начать – иль начать,
Всё одно – фонтан мастрячить:
И кайлить, и железячить...
Было б лишь чего заначить
И чего отдать жене б.

Пред потомством не маячить,
Ничего векам не значить,
Серым карлой проишачить,
Орошая потом хлеб,

Чтоб фонтан взметнулся в небо –
Расточительно хрустальный,
Стройный, словно хор венчальный,
Струйный ведатель судеб.
Малышу – восторг купальный,
Старику – кивок прощальный,
И счастливый, и печальный,
Смех-и-слезы-растворяльный...

Хоть совсем не гениальный,
Как и всякий ширпотреб.

* * *

Лета к суровой прозе клонят.

А.С. Пушкин

Скажу, пусть и не буду понят, –
Лета к суровой рифме клонят
И говорят: она сильнее
Тебя, надутый дуралей.
Ты окрылён – блеснула цель,
Вот он, шедевр, и дверь открыта!
Но рифма рявкнула, как зверь:
«Куда? То для титанов дверь!
Ты что – рифмуешь «дверь» и «цель»?
Так вот и лезь не в дверь, а в щель
Для тараканов. Пшёл отсель!»
И поползёшь – пролить убито
Слезу в разбитое корыто.

Лета суровой тайной дразнят:
Тебе разгадки не видать,
Истлей в мучительном соблазне,
Прими лобые в мире казни —
В твой стих не снидет благодать!

Но ты был стоек и удал,
В тебе заноза на занозе,
На шраме шрам, ты шёл, страдал,
Немало ты дорог видал.
Да, ты в своей суровой прозе —
Седой и честный генерал.

Но как смущён твой бравый вид,
Когда поручик на дорогу
Выходит тихо, в ночь глядит.
Пред ним кремнистый путь блестит —
Путь к запредельному порогу.
И строчка, взмыв в ночной зенит,
Так со звездой говорит,
Что и пустыня внемлет Богу.

Лета к желанной рифме манят,
Но рифма блещет в горней мгле.
Всё те ж лета мне взор туманят
И клонят голову к земле.

* * *

*«Мир спасёт красота...
Мир спасёт...» — и т.д. и т.п.
Достоевский — и др. и пр.*

Скажите, сударь, что угробит мир?
Идей нехватка — или их избыток?
Опасен кто? Кто, озарён и прыток,
Презревши, как Джордано, пламя пыток,
Своих идей разматывает свиток,
Чтоб взять нас на спасительный буксир, —
Или дурак Емеля, чей кумир —
Невозмутимейшая из улиток?
Нет, вы скажите — кто угробит мир?

Ответы ваши, сударь, горячи,
Хотя их смысл неважен, как ни странно:
О гордой силе разума кричи
Или бездумно лопаи калачи,
В лоб, по лбу ли, но страшной будет рана —
Джордано ли сторит в Емелиной печи
Иль печь Емелина в космической ночи
Сорвётся в ад с орбит, начертанных Джордано.
И что тогда? О, лучше помолчи.

Кто создал мир — Тот сладит миру гроб
Руками мудреца — или балбеса.
Но вдруг мне видится: сошлись те двое... Стоп!
Ведь ждёт Емелю гладкая принцесса,
Ведь ждёт Джордано огненная месса...
Но по плечам они друг дружку — хлоп!

— Ты, брат Эмилио, отнюдь не губошлёп!
— Э-э, Бруныч, да и ты — не так уж чтоб
Совсем... того... Ты — нашего замеса!..
И улыбаются. И падает завеса.
И в небесах гниёт ненужный гроб.

ЖЕНЩИНАМ

Я видел вас и в профиль, и анфас,
И без клочка одежды — кроме глаз
Сияющих. Пленялся много раз
И яблоками райскими, и грушами.

Сжигал, сжигаем был — и звёздный час
Не понаслышке знаю. Не разрушу я
Той памяти... Но сердца вы не слушали,
Когда несли шальные кони нас.

Курю и матерюсь ночами душными.
Самоотверженности не отнять у вас,
Но вам неведомо
Великодушие.

* * *

*Нынешнему русскому мужчине,
а значит — себе любимому*

На шикарнейшей стервы ножки
Не давите косяка —
С первых метров той дорожки
Рожки ждут вас, босяка.
Между тем соседка Рая
Вот уже который год,
От тоски по вам сгорая,
Необласканной живёт.

Распакуйте чемоданы —
Ну куда вы собрались?!
Так уж там чужие страны
 Попрошайку заждались!
А Россия в горе стынет,
Ждёт уже который срок,
Что её с колен подымет
Растерявшийся сынок.

И вообще — какого чёрта! —
В зеркало уприте взгляд:
Вы всю жизнь — второго сорта.
Кто вам в этом виноват?
Взгляд потух, мозги усохли,
И завистлив рта оскал,
И смотреть на ваши сопли
Сам Господь уже устал.

* * *

Подлодка затонула. Подлость в том,
Что мы при том визжали всем гуртом,
А толку – нуль. Не жить парням на свете.
Газетная слеза – какой фантом!..
И никого не выпорют кнутом
На этой обтекаемой планете.

* * *

Все шпионят – и дом, и аллея.
И всё медлит, всё медлит, как мы,
Восковая луна Водолея
В растерявшемся небе зимы.

Ни приюта для нас, ни привета...
Но я верю, что сбыться должны
И моё ожидание лета,
И твоё обещанье весны.

Слишком хриплы январские трубы,
Слишком яростна звёздная дрожь,
Слишком мёрзнут счастливые губы,
Чтоб уметь им выделять ложь.

* * *

Безбрежны время и пространство,
И нам даются
Изменчивость и постоянство –
Чтоб не рехнуться.

Но постоянство – что за слово,
Когда у вас
От чёрного до золотого
Оттенок глаз.

* * *

Когда ты меня разлюбишь,
Я стану пустым пакетом,
Рваным куском целлофана,
Обёрткой от «чокопая»,
И вдаль меня по асфальту
С шуршаньем погонит ветер.

Когда ты меня разлюбишь,
Я выйду из дому с толстым
Бумажником, полным бумажек,
И мимо бомжей и нищих,
Торговок и безработных
Пройду в магазин престижный
И там отоварюсь, как царь,
И с сумкой, похабно полной,
Проществую в свой подъезд.
Девчушка со школьным ранцем
Мне пикнет почтительно: «Здрасьте!» –
Я важно в ответ покиваю.

Когда ты меня разлюбишь,
Я буду пыхтеть на собраниях,
И важные шишки и мымыры
Все будут меня величать
По отчеству, интересуясь,
Что думаю я по вопросу
О той ерунде собачьей,
Которая столь волнует
И шишек, и мымыр, и меня.
А в перерыве в буфете
Налью себе тёмного пива,
Но цвет его, тайну хранящий,
Мне глаз твоих не напомнит...

А знаешь – не так всё страшно.
Когда ты меня разлюбишь,
Меня пожалеет судьба.

Когда ты меня разлюбишь,
Судьба мне пошлёт развязку,
Стремительную, как хитрость,
Спасительную, как сон.
И ангел с мечом инсульта,
Или придурок в «Тойоте»,
Или кирпич простодушный
На выручку мне придут.

И я усну улыбаясь,
Уже навсегда улыбаясь,
Уже навсегда не зная,
Что я тобой не любим.

* * *

Мадам! За то, что в прошлом веке
Была весна – сто лет назад, –
Признательные человеки
Стократ судьбу благодарят.

Весна осталась в прошлом веке,
Но тут упрёка нет судьбе.
Мы дураки. Мы человеки.
И жалко нас – самим себе.